

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

Дискурс российской модернизации: неизбежность очередного провала

Теория модернизации предполагает наличие "магистрального пути", следуя по которому отсталые страны могут добиться богатства и догнать развитые. Для этого необходимо заимствовать не только технологии, но и институты западных стран. Часть ученых относится к этой теории скептически. Ее критиковали историки, наличие магистрали отрицалось школой мир-системного анализа (Дж. Арриги, И. Валлерстайн), а исторических законов (историцизм) — отрицается австрийской школой. Если появление СССР рассматривалось как подтверждение теории модернизации в ее марксистской версии, то его распад и возврат к капитализму, сопровождавшийся большими потерями национального богатства, деиндустриализацией, ростом преступности, стал свидетельством ее провала. После стабилизации вновь возникает дискурс модернизации, возврата России на магистральный путь развития. Однако XXI столетие — время постмодерна, когда действуют другие социальные акторы, и дискурс модернизации превращается в идеологическую конструкцию, маскирующую неадекватность российской экономической науки нынешним реалиям.

Ключевые слова: модернизация, постмодерн, дискурс, нарратив, реформы.

В России теорию модернизации чаще всего связывают с марксистским тезисом о "передовых" и "отсталых" странах и выводом о необходимости усилий по преодолению "отставания". Собственно, в этом случае "модернизация" и есть "преодоление отставания", причем бедная страна заимствует у богатой не только технологии, но и институты. Стремление к повышению материального благополучия заставляет перенимать опыт других стран — большинство людей "в той или иной степени заинтересованы в материальном улучшении своей жизни, а некоторые из них всегда будут пытаться удовлетворить это желание при подходящей возможности", поэтому "структуры... немодернизированного общества начинают передавать из рук в руки то изменение, которое направлено на структуры... модернизированного общества" [Лахман 2010, с. 376]. При этом особенностью модерна как Нового времени является еще и то, что богатство, как показывает М. Вебер, получает религиозно-моральную санкцию [Вебер 1990]. Рост материального благосостояния несет одновременно и технический, и духовный прогресс: богатые люди и богатые нации оказываются ближе к Богу, чем бедные.

Окончательную респектабельность теория модернизации приобретает вместе с математической формализацией. В конце 50-х гг. XX в. Р. Дорфман, П. Самуэльсон

Ореховский Петр Александрович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский просп. 32. E-mail: orekhovskypa@mail.ru

и Р. Солоу доказывают теорему магистрали: при моделировании экономической динамики для достаточно продолжительного периода времени основная часть состояний, образующих оптимальную, по критерию максимума линейного функционала, траекторию, определяется только структурой модели и не зависит от вида оптимизируемой целевой функции. Наличие магистралей позволяло сделать выводы об общих “магистральных путях” развития групп стран (клубов) и о существовании определенных оптимальных пропорций, на которые следует ориентироваться в экономической политике. Вместе с тем многие историки, экономисты, философы относились к теории модернизации скептически. Критика шла по разным направлениям. Остановлюсь на трех, наиболее известных ее вариантах.

Модерн как результат раскола элит. Р. Лахман пишет: “Мои доводы расходятся по основным вопросам с теорией модернизации, в правильности которой я сомневаюсь, и, как я полагаю, мне удалось продемонстрировать, что очень редко предоставляется возможность действия в направлении модернизации или каком-либо еще направлении” [Лахман 2010, с. 377]. Он показывает, что вместо дальнейшего развития технического прогресса, перехода к промышленной революции и либеральной демократии капиталистические Венеция и Генуя пережили “откат” к феодальным институтам. Чума (Черная Смерть) в разных регионах Англии и Франции привела к прямо противоположным результатам: в одних регионах наблюдались рост зарплаты и становление мелкого товарного производства, в других — усиление крепостничества, затрудняющее горизонтальную и вертикальную социальную мобильность. Те социальные феномены, которые в рамках марксизма интерпретируются как буржуазно-демократические революции, по Лахману, оказываются случайным результатом ожесточения межэлитной борьбы, в которой “прогрессивные классы” побеждают отнюдь не всегда.

Модерн как переход от “мира-империи” к “миру-экономике”. Богатство и бедность, “развитость” и “отсталость” страны, по мнению представителей миросистемного анализа, в меньшей степени зависят от внутренних факторов (технологий, институтов), по сравнению с местом, которое занимает государственный субъект в иерархии “мира-системы”. Государства “ядра” богаты, регионы “периферии” бедны, страны “полупериферии” находятся в промежуточном положении. Вплоть до XVI в. положение города (страны, региона) в “мир-системе” определялось через вооруженное насилие, войну. Нельзя сказать, что политико-экономические институты Карфагена были отсталыми по сравнению с Римом или что Золотая Орда более прогрессивна, чем Киевская Русь. Специфика эпохи модерна заключается в переходе от вооруженного насилия к экономической борьбе, при этом логика войны подчиняется теперь экономике. Подъем и упадок связан с двухвековым чередованием доминирования промышленно-торгового (“мастерская мира”) и финансового капитала. Дж. Арриги выделяет, соответственно, венецианско-генуэзский (XIV–XV вв.), голландский (XVI–XVII вв.), английский (XVIII–XIX вв.), американский (XX в.) циклы доминирования [Арриги 2012]. Развивая эту же логику, И. Валлерстайн доказывает, что каждая страна, добивающаяся богатства и доминирования, развивается по собственной траектории; повторить чужой опыт, чтобы занять высокое место в иерархии мира-системы и потеснить лидеров, невозможно [Валлерстайн 2016].

Модерн как становление “открытого общества”, отрицание “историцизма”. Существуют ли законы истории? Теория модернизации — один из вариантов осмысления человеческой деятельности во времени, движения от низших форм к высшим, прогресса, развития. Такое осмысление зачастую основывается на представлении о существовании объективных, надындивидуальных сил, определяющих законы развития человеческого общества. Австрийская школа, использующая методологический индивидуализм, отрицает наличие таких сил. “Всех австрийцев объединяет то, что они воспринимают историю как переплетение, зачастую случайное, способов, которыми отдельные люди пытаются достичь своих личных субъективных целей с результатами своей деятельности. Такой взгляд исключает возможность восприятия истории как движения по направлению к чему-то, что будет осуществлено

с помощью более или менее осознанной деятельности человека, и как некоего процесса, чей смысл можно раскрыть с помощью откровения или философских спекуляций...” [Кубедду 2008, с. 65]. С этих позиций теория модернизации — один из вариантов вредного историцизма, а Г. Гегель со своей философией истории, наряду с Платоном и К. Марксом — идеологические проповедники тоталитаризма, враги свободы [Поннер 1992]. Модерн и западные инклюзивные, транспарентные институты — результат долгой борьбы и рационального выбора либеральных прагматичных индивидов, в XX в. окончательно утвердивших свои человеческие права и подчинивших себе прежнего грозного Левиафана — государство.

Основной тезис данной работы — модернизация представляет собой лишь один из дискурсов для осмысления истории, характерный для общественной мысли XIX–XX вв. Здесь не рассматривается верность или ошибочность утверждений, сделанных в рамках этого дискурса, более важным представляется то, что в XXI в. он перестает быть актуальным, устаревает. Но само по себе скептическое отношение к модернизации не является чем-то новым и оригинальным.

Эволюция дискурса модернизации в СССР и постсоветской России

В 1917–1929 гг., во время военного коммунизма и нэпа, в стране велись острые дискуссии об институциональных реформах и модернизации промышленности. Тем не менее уже тогда почти у всех их участников не было сомнений в *превосходстве* новых, социалистических институтов над капиталистическими, что основывалось на модернистских представлениях о новом общественном строе как следующей, более высокой ступени развития человечества. Критика СССР шла в основном с Запада, однако критиковались “частности”: диктатура пролетариата, ущемление прав бывших привилегированных сословий, бесхозяйственность и бюрократия, монополия одной партии... “Социалистический эксперимент” вполне ложился в модернизационную логику, сравнение царской России и СССР обычно сопровождалось выводами о преимуществах последнего (характерно, что в XXI в. и выводы, и даже сам характер сравнения радикально меняются).

Затем, в 1929–1956 гг., дискуссии об институциональных реформах не допускались. Сам термин “модернизация” приобретает исключительно технический характер, становясь синонимом “реконструкции”, “реновации” оборудования, предприятий, отраслей. После смерти И. Сталина и XX съезда КПСС ситуация начинает меняться — признается, что социалистические институты нуждаются в “совершенствовании”. Слово “реформа” встречается редко, и даже комплекс мероприятий, связанных с именем А. Косыгина, называют реформами лишь для краткого обозначения “совершенствования”¹. Уже в 1970-е гг. в связи с популярностью и переводом на русский язык работ Дж. К. Гэлбрейта возникает идея конвергенции. Однако социализм все еще находится в “историческом наступлении”, поддержка конвергенции может встретить упрек в ревизионизме. “Зияющие высоты” А. Зиновьева, как и работы Я. Кронрода, посвященные новому классу — “номенклатуре” партийно-хозяйственных работников, пишутся “в стол”, открытая дискуссия по-прежнему невозможна.

Только в 1985–1991 гг. в обществе возникает и утверждается представление о том, что “социалистические” институты оказались хуже “капиталистических”. Формируется консенсус в отношении необходимости радикальных реформ, нарастает

¹ Вспомним названия официальных документов тех лет: “Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства” (постановление сентябрьского 1965 г. Пленума ЦК КПСС); “О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства” (постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г.); “О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства” (постановление Совета Министров СССР от 3 апреля 1967 г.) и т.п.

разочарование в марксизме как парадигме прогресса. Это приводит и к отказу от советского нарратива модерна, его место занимает другой нарратив — вестернизации. Новое требование заимствования западных технологий, институтов, стандартов потребления и образа жизни вполне укладывается в общий дискурс модернизации.

Однако начавшиеся в 1990-е гг. реформы вызвали в России своеобразный когнитивный диссонанс. Если становление капитализма в Новое время сопровождалось ростом доходов, увеличением социальной мобильности, приближением к равенству всех граждан перед законом, то переход от социализма к капитализму спровоцировал трансформационный спад, снижение доходов, деиндустриализацию, появление дифференцированного судопроизводства (своим — все, остальным по закону), аномию. Крах ожиданий вызвал социальную афазию — в стране исчез общий язык для описания действительности. Как результат возник плюрализм реальности — рядом сосуществовали криминальная революция, либеральная демократия, “семибанкирщина” — олигархия, дикий капитализм, национализм, региональный эгоизм, сепаратизм, диктат Москвы... Отсутствие общего языка делало распад России весьма вероятным, ни о какой модернизации речь не шла, хотя ориентация на Запад как на желаемый образец политико-экономического устройства в основном сохранялась.

В конце 1990-х гг. российская элита переживает внешний когнитивный шок, связанный с войной НАТО в Югославии. Для многих становится очевидным, что югославский сценарий легко может повториться и в России. Возрождается риторика “национальных интересов”, входящая в конфликт с “европейским выбором”. Символическим жестом стал разворот над Атлантикой самолета премьер-министра Е. Примакова, летевшего с визитом в США.

Внешнеполитическое разочарование дополняется переосмыслением опыта государственного строительства 1990-х гг.: оказывается, что эффективные западные институты в России почему-то не приживаются или функционируют совсем не так, как предполагалось. Так как о неэффективности западных институтов как передовых не может быть и речи, делается вывод об их неправильном внедрении, то есть о том, что “младореформаторы” неправильно делали реформы. Возникают нарративы “правильных реформ”: институты нужно *выращивать* [Кузьминов, Радаев, Яковлев, Ясин 2005], трансплантация институтов должна производиться по универсальным правилам, которые укладываются в теорию реформ [Полтерович 2007], для того, чтобы новые институты заработали, необходимо перезаключение общественного договора [Аузан 2006].

Продолжение реформ означает, что общество живет в переходном периоде, который явно затянулся, так что переходное, временное, неустойчивое состояние становилось нормой. Такая ситуация предоставляла возможности сторонникам реформ упражняться в риторике — в 1990-е гг. критиковали реформы М. Горбачева, потом стали критиковать реформы Е. Гайдара и А. Чубайса, далее этот процесс мог продолжаться бесконечно.

Любая переходная эпоха чревата множеством политических и экономических рисков, так что дискурс реформ сменился дискурсом стабилизации. Это означало существенный когнитивный сдвиг: каковой бы ни была новая система институтов, она представляет собой уже качественно иное общественное устройство, никак не связанное с СССР. Признание России страной с рыночной экономикой, как и достижение стабилизации, знаменовало окончание “радикальных рыночных реформ”.

Но стабилизация — определенный *момент*; он еще *короче*, чем переходный период. Кроме того, стабилизация не может выступать в качестве мобилизующего императива развития. Поэтому почти сразу же, еще в начале 2000 гг., в России возникает и дискурс новой модернизации. Любопытно, что одновременно это означало и “затаптывание” концепта переходного периода — он закончился стабилизацией, но *откуда и куда* перешли, уже не обсуждается. Это оставляет простор для интерпретаций: перешли от социализма к капитализму, от тоталитаризма к демократии, от равенства к неравенству и олигархии, от передовой в научно-техническом отношении страны к сырьевой колонии Запада... Российское прошлое осталось непредсказуемым.

Дискурс модернизации постепенно становится основным и захватывает все когнитивное пространство. Происходит захват прошлого — Петр Великий, как и П. Столыпин — модернизаторы Российской империи, а большевики реализовывали советский модернизационный проект. Естественно, осуществляется и захват будущего — формируется консенсус в отношении технического обновления и изменения институтов. Враги модернизации, как и положено, находятся в настоящем времени. Это чиновники, олигархи, те, кто хотели бы оставить “все, как есть”. Неожиданно в одной компании с ними оказались либералы-реформаторы как авторы концептов переходного периода и стабилизации, то есть того, что имеется сейчас, всех не устраивает и подлежит переделке. В дискурсе новой модернизации именно “нечестные и неправильные” либеральные реформы подаются как приведшие к появлению и обогащению олигархии и ее союзника — коррумпированного чиновничества. Логично — во время “советской модернизации” этих социальных групп не было.

Нарративы современной российской модернизации

Здесь я бы выделил три аспекта. 1. *Модернизация как номер технологического уклада*² — наиболее распространенный нарратив, предполагающий перенос и освоение “передовых технологий” (нанотехнологии, роботизация, информатизация и т.д.). Поскольку олигархи модернизироваться не хотят, их должно заставить это сделать государство. Привлекательность данного нарратива в отсутствие необходимости крупных институциональных изменений. Дополнительно сюда включается и мотив справедливости: строительство “социального государства”, полное изъятие природной ренты, вплоть до национализации добывающей промышленности, прогрессивное налогообложение, естественно, борьба с олигархами.

2. *Модернизация как необходимость буржуазно-демократической революции.* Так как в России власть и собственность не разделены, как в Европе до буржуазных революций, возникает внешне парадоксальный вопрос: “Назад к частной собственности или вперед к частной собственности?” [Нуреев 2011; Плискевич 2008]. Он решается в пользу ответа “вперед”: вперед к судебной реформе, изменению политического режима, защите предпринимателей. К этому нарративу примыкают и уже упоминавшиеся исследователи — разработчики “нормальных” реформ. Как ни странно, но такую революцию косвенно поддерживают и сторонники “особого пути” России — будь-то концепция “экономики раздатка”, X-Y-матриц или “ресурсного государства” [Бессонова 2008; Кирдина 2001; Кордонский 2007]. Российская альтернатива вестернизации — внеэкономическое насилие, сословность, иерархия, — красноречиво описываемые этими авторами, вряд ли может мобилизовать кого-либо на свою поддержку. Впрочем, и движущая сила нового демократического движения — российский креативный класс — (“сетевые хомячки”, белоленточники) как-то не похожа ни на яковинцев, ни на кромвелевских “железнобоких”.

3. *Модернизация как геоэкономический проект.* Главной особенностью современной эпохи является глобализация, поэтому Россия должна вписаться в мирохозяйственные связи, а приток иностранного капитала и технологий автоматически приведут к формированию передового технологического уклада и материальному процветанию. Очевидно, что этот нарратив использует методологию мир-системного анализа, что позволяет обойти проблему плохих отечественных институтов. Чтобы попасть в число стран ядра мир-системы, России надо выбрать “правильных” союзников и вести верную внешнюю политику. Поэтому борьба вокруг этого проекта ведется между традиционными российскими западниками — сторонниками вестернизации, а по совместительству синофобами и новыми “почвенниками” — энтузиастами БРИКС, ШОС, Евразийского союза и, по необходимости, синофилами. Это — идеологически наиболее “рыхлый” нарратив с относительно коротким, ситуационным горизонтом анализа.

² Наиболее влиятельный представитель этого взгляда С. Глазьев, к которому примыкают многочисленные критики “монетаристской политики” российского правительства.

Все описанные нарративы порождают обоснованные *сомнения*. Риторика — искусство убеждения, поэтому каждый из них по-своему убеждает в необходимости модернизации, предлагает необходимые меры политики. Однако нарративы, в отличие от моделей, не подвержены фальсификации (верификации), будучи неопровержимыми. Любые факты, которые могут быть представлены в качестве доказательства ошибочности той или иной концепции, в рамках нарратива могут быть переинтерпретированы нужным, убедительным, образом. Например, известная формула “социализм — это Советская власть плюс электрификация всей страны” соединяет политический режим с передовой технологией, давая характеристику нового общественного строя. Факт, что в капиталистических странах также осуществлена электрификация и действует режим всеобщих выборов, который — по мысли старых марксистов — неизбежно должен был установить власть рабочих и крестьян, располагающих абсолютным, подавляющим большинством, недостаточен для опровержения ленинской формулы. Напротив, он может рассматриваться как подтверждение того, что и капиталистические страны *вынуждены постепенно менять свой политический режим, чтобы следовать по пути социально-экономического развития, которым идет передовой СССР*.

Альтернативой убеждениям, которые ведут к вере, являются сомнения:

1. Идея о необходимости технологического прорыва, инновационного развития, снижения фондо- и материалоемкости производства не нова. В СССР об этом говорили с 1970-х гг., а власть Госплана и советских ведомств тогда была несравнимо больше, чем власть нынешних российских министерств. Так почему государственный дирижизм в этот раз должен сработать?

2. Формально власть и собственность в России разделены, принят целый корпус законов, не позволяющий чиновникам вести бизнес и вмешиваться в деятельность отдельных фирм, включая государственные. В стране ведется активная борьба с коррупцией, отбывают сроки заключения губернаторы, высокопоставленные чиновники, банкиры. Что еще нужно сделать для того, чтобы власть и собственность оказались разделены “по-западному”? Каковы критерии такого разделения (тем более, что периодические коррупционные и электоральные скандалы в развитых странах подозрительно напоминают российские).

3. Не только Россия, но и все другие страны стремятся попасть в ядро мир-системы. Все стараются привлечь инвестиции, новые технологии, человеческий капитал, для чего принимаются, в общем, примерно одинаковые институциональные инновации. И тут не просматривается сколько-нибудь значительное сравнительное преимущество России перед многими другими претендентами. Почему же включение в “правильные” союзы должно привести к ее модернизации?

Неизбежность провала

Модернизационный дискурс — дискурс Нового времени. Он исчерпывает себя уже в 1970-е гг., когда наступает так называемая “эпоха постмодерна”, для которой характерны плюрализм реальности, отказ от универсалистских концепций. Исторические сюжеты XVII–XX вв. начинают переосмысливаться не в рамках закономерностей прогресса, но как случайно реализовавшиеся варианты из имевшегося набора возможностей.

Современные российские нарративы модернизации — варианты осмысления *настоящего*. Это современные идеологические конструкции, в рамках которых авторы формируют свое отношение к власти, богатству, социальным ролям ученых, промышленников, финансистов. В сущности, они не имеют никакой связи с “модернизационными проектами” типа первой пятилетки или разрушением крестьянской общины и формированием института рынка земель сельскохозяйственного назначения.

Россия переживает очередной когнитивный цикл: застой (“совершенствование”) — перестройка — реформы — стабилизация — модернизация. В XXI в. стабилизация — форма понимания необходимости в “совершенствовании”, а модернизация — вариант осознания “необходимости реформ”, связанный с мировым кризисом 2008–2009 гг. и длительной

стагнацией. Очевидно, что общество нуждается в пропагандистах развития, светлого будущего, причем в разных его вариантах, включая как сциентистский, так и традиционалистский, религиозный. Данную роль с успехом выполняют отечественные обществоведы. При этом российский дискурс модернизации во всех рассмотренных нарративах не имеет практически никакого отношения к собственно теории модернизации, акторы которой – буржуа, промышленные рабочие, крестьяне, “третье сословие” – давно ушли в политическое небытие.

Учитывая начавшуюся после событий 2014 г. крайне болезненную структурную перестройку, следует ожидать скорой (к 2020 г.) смены дискурса – произойдет переход к “выходу из кризиса”, “росту”. Однако по мере обновления элиты дискурс модернизации в какой-то форме непременно вернется, обязательно будут говорить об “упущенном шансе”, провале “путинской модернизации”. Это дает возможность смотреть в будущее с определенным оптимизмом: многие участники современных дискуссий будут иметь полное право сказать политикам: “А мы же вас предупреждали”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арриги Дж. (2012) Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Аузан А. А. (2006) Переучреждение государства: общественный договор. М.: Европа.
- Бессонова О. Э. (2006) Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН.
- Валлерстайн И. (2016) Мир-система Модерна. В 3-х т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 44–271.
- Кирдина С. Г. (2001) Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭи-ОПП СО РАН.
- Кордонский С. Г. (2007) Ресурсное государство. М.: REGNUM.
- Кубедду Р. (2008) Политическая философия австрийской школы. М.: ИРИСЭН; Мысль; Социум.
- Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. (2005) Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений. М.: ГУ–ВШЭ.
- Лахман Р. (2010) Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени. М.: Территория будущего. С. 377.
- Нуреев Р. М. (2011) Россия: особенности институционального развития. М.: Норма: ИНФРА-М.
- Плискевич Н. М. (2008) Система “власть – собственность” в современной России // Вопросы экономики. № 5. С. 119–126.
- Полтерович В. М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”.

Discourse of Russian modernization: inevitability of the next failure

*P. OREKHOVSKY**

***Orekhovsky Petr** – doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the RAS; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Address: 32, Nakhimovsky av. Moscow, 117218, Russia. E-mail: orekhovskypa@mail.ru.

Abstract

The theory of modernization presupposes the existence of a “magistral”, following which underdeveloped countries can achieve wealth and catch up with rich ones. For this, it is necessary to borrow not only technology, but also the institutions of Western countries. Some scientists are skeptical about this theory. It was criticized by historians, the existence of the magistral was denied by the school of world-system analysis (G. Arrighi, I. Wallerstein), the existence of historical laws (“historicism”) is denied by the Austrian school.

The emergence of the Soviet Union was seen as a proof of the theory of modernization in its Marxist version. Socialism was considered the next, higher socio-economic formation up until the 80s of the 20th century.

The collapse of the USSR and a return to capitalism were accompanied by large losses of national wealth, de-industrialization, and increased crime. After stabilization, a discourse of modernization reappears. Russia is returning to the magistral of development. Again, it is said about the need to transfer and adapt Western institutions to domestic soil. However, the twenty-first century is a time of postmodernity, during this period other social actors emerge and act. The bourgeoisie, workers, peasants are social groups from last. The discourse of modernization is an ideological construction that masks the inadequacy of the Russian economic science to the present realities.

Keywords: modernization, postmodern, discourse, narrative, reforms.

REFERENCES

- Arrighi G (2012) *Dolgiy dvadtsatyy vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times]. Moscow: Territoriya buduschego.
- Auzan A. A. (2006) *Pereuchrezhdenie gosudarstva: obshchestvennyy dogovor* [Being re-state: the social contract]. Moscow: Evropa.
- Bessonova O. E. (2006) *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Russia's Distribution Economy: Evolution through Transformation]. Moscow: ROSSPEN.
- Cubeddu R. (2008) *The Political Philosophy of the Austrian School* [Politicheskaya filosofiya avstriyskoy shkoly]. Moscow: Mysl'; Sotsium.
- Kirdina S. G. (2001) *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii* [Institutional matrices and the development of Russia]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Kordonskiy S. G. (2007) *Resursnoye gosudarstvo* [Resource State]. Moscow: REGNUM.
- Kuzminov Y., Radaev V., Yakovlev A. A., Yasin E. G. (2005) *Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashhivaniyu: Opyt rossijskikh reform i vozmozhnoe kul'tivirovanie institutsional'nykh izmeneniy* [Institutions: From adoption to grow: experience of Russian reforms and the possible cultivation of institutional changes]. Moscow: GU–VShE.
- Lackhmann R. (2010) *Capitalists in the Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transition in Early Modern Europe* [Kapitalisty ponevole: konflikt elit i ekonomicheskiye preobrazovaniya v Yevrope rannego novogo vremeni]. Moscow: Territoriya buduschego.
- Nureyev R. M. (2011) *Rossiya: osobennosti institutsional'nogo razvitiya* [Russia: Features of Institutional Development]. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Pliskevich N. M. (2008) Sistema “vlast' – sobstvennost” v sovremennoy Rossii [The system “power – property” in modern Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 119–126.
- Polterovich V. M. (2007) *Elementy teorii reform* [Elements of the theory of reform]. Moscow: Ekonomika.
- Popper K. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi*. V 2 t. [The Open Society and It's Enemies. In 2 vol]. Moscow: Feniks, Mejdunarodnyi fond “Kul'nurnaya initsiativa”.
- Wallerstein I. (2016) *Mir-sistema Moderna I–III* [The Modern World-System I–III]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Weber M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works]. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow: Progress, pp. 44–271.